

— Явись, Ямаусаги! — Е Кай предусмотрительно убрал микрофон подальше и призвал сикигами.

— Ямаусаги-тян зде-е-есь! — в облаке густого тумана весело пропищал малыш. Он восседал на спине своего верного Ва-вы и беззаботно болтал ножками.

— Малыш, будь добр, поставь барьер, чтобы из зала не видели, что тут происходит, — попросил Е Кай.

Он не привык помыкать своими сикигами, особенно такими крохами. Каждый раз, когда приходилось просить о чем-то Ямаусаги, его не покидало гадкое чувство, будто он эксплуатирует детский труд.

— Будет сделано! Ва-ва, за дело! — охотно отозвался сикигами, похлопав лягушку по голове. Для него воля Оммёджи была законом.

— Ква! — бодро отозвался Ва-ва.

Обычные люди не видели духов, а на сцене и вовсе творилась неразбериха. Староста в закулисье рвала на себе волосы от досады, пока на подмостках оставались лишь Е Кай и Ли-цзы. Зрители и не подозревали, что «актёров» на сцене сейчас куда больше, чем кажется.

— Кто бы ты ни был, призрак или демон, немедленно оставь мою одноклассницу в покое! — потребовал Е Кай.

Ямаусаги уже возвёл барьер, и парень мог не сдерживаться. Одержимая Ли-цзы тем временем с почти сладострастным видом поглаживала шелк своего наряда.

— Хе, давненько я не встречал Оммёджи, — пробормотал дух, лениво посмотрев на парня. Всего одного взгляда ему хватило, чтобы раскусить неопытность Е Кая.

— Раз ты понял, кто я, убирайся по-хорошему! — Е Кай старался, чтобы голос звучал твердо, хотя внутри всё сжималось от неуверенности.

— С чего бы это? Вы же сами меня позвали, — нагло усмехнулся дух, даже не думая покидать тело девушки.

— Мы тебя звали? — Е Кай опешил. Они же не сумасшедшие, чтобы приглашать призраков на школьный фестиваль.

Лицо Ли-цзы вдруг потемнело, а голос наполнился яростной решимостью:

— Эти прекрасные одежды принадлежат мне! И никто их не отнимет!

— Э-эм... ты вообще-то мужик, — не выдержал Е Кай, указав на «неё» пальцем.

Заметил он это не потому, что обладал невероятной дедукцией, а потому, что голос Ли-цзы — обычно звонкий и нежный — стал хриплым и низким. Да и манеры выдавали в духе заправского наглеца.

— К тому же это женское платье, — добавил парень.

Дух замер, на мгновение потеряв дар речи.

— Тебе-то какое дело?! — взвизгнул он, явно задетый за живое.

Ну вот, теперь он ещё и обиделся. Е Кай вздохнул: вечно ему везёт на призраков с какими-то странными фетишами. Этот, похоже, был одержим женским кроссдрессингом.

Юки-онна, плавно паря рядом с Е Каем, внимательно изучила противника.

— Сэймэй-сама, у этого духа чудовищная привязанность. Такая одержимость легко превращает призраков в демонов.

— Одержимость? — Е Кай в очередной раз понял, как мало он знает. Времени на теорию катастрофически не хватало.

— Именно. Как наш «красивый монах» стал заложником звона колокола, так и этот зациклился на красоте, — пояснила Юки-онна. — Только вот когда взрослый мужик так цепляется за юбки...

— Эй! Я всё слышу! — яростно выкрикнул дух. Если бы взгляд мог убивать, Е Кай уже превратился бы в решето.

— Понимаю, стремление к прекрасному и всё такое, — попытался успокоить его парень. Больше всего он боялся, что этот псих начнёт буйствовать и навредит телу Ли-цзы.

— Учитель, я тут на днях смотрела телевизор, там это называли «трансвестизмом», — невинно заметила Юки-онна.

— Девочка моя, давай без лишней честности... — простонал Е Кай. С такими прямолинейными сикигами ни одной спокойной минуты.

— Разбирайся быстрее, — Саньвэй подошла ближе изящной лисьей походкой. Она смерила духа презрительным взглядом. — Барьер этой мелюзги долго не выстоит. Тебе его как вернуть — целым или по частям?

Е Кай с надеждой посмотрел на «третью сестру» — главную ударную силу своего маленького отряда.

— В смысле «по частям»? — у него возникло нехорошее предчувствие.

— Я полагаюсь на грубую силу. Чтобы выбить из него этого гада, придется ударить обоих.

Ну конечно.

— Нет-нет, так не пойдет. Если ты покалечишь Ли-цзы, мне до конца школы не отмыться.

Ситуация зашла в тупик: чтобы прогнать духа, нужно было физическое воздействие, но тело-то принадлежало невинному человеку.

— Тогда просто стащим с него платье! — влезла со своим «гениальным» предложением Кюмей Нэко.

Дух в теле Ли-цзы аж побледнел от ужаса:

— Только попробуйте!

— А почему это «не пробовать»? — Кюмей Нэко прищурилась. У неё был скверный характер: чем больше ей запрещали, тем сильнее хотелось напроказить.

Не успел Е Кай и рта открыть, как кошка бросилась вперед.

— Стой! Стой, дурная! — закричал он. — Это же антиквариат, он кучу денег стоит!

— Назад! Ты его погубишь своими лапищами! — заверещал дух, отбиваясь.

Юки-онна и не подумала останавливать потасовку. Напротив, она подлила масла в огонь:

— Саньвэй, Кюмей, заберите у него одеяние!

Саньвэй хищно улыбнулась и поманила призрака пальцем:

— Слышал? Либо отдаешь сам, либо я иду забирать.

— Ни за что!!! — одержимый роскошными одеждами дух, понимая, что силами мериться бесполезно, просто подобрал подол и припустил прочь. Правда, в пылу паники он забыл, что сцена окружена барьером и бежать ему попросту некуда.

— Беги-беги, всё равно из круга не выйдешь, — Саньвэй лениво почесала за ушком, поправляя мех на хвосте.

— Ну и дурак, — фыркнула Кюмей Нэко. Редко кому удавалось впечатлить её своей глупостью так сильно.

— Сама дура! Вся твоя стая дураков! — выкрикнул дух, завершая очередной круг по сцене и возвращаясь к исходной точке.

— Ох, и шумно же тут у вас, — раздался внезапный голос.

Ма Сяолин возникла прямо посреди сцены. На самом деле она уже пару минут пыталась пробиться сквозь барьер Ямаусаги и, наконец, нашла лазейку.

— Сестра Лин! Вы как спасительный дождь в засуху! — Е Кай едва не бросился ей на шею.

— К твоему сведению, я не из министерства мелиорации, — ворчливо отозвалась она, смерив парня скептическим взглядом.

— Да вы лучше любого министерства! — Е Кай готов был на любые комплименты. В его глазах Сяолин сейчас сияла ярче солнца.

— Слушай, ну что у тебя за карма? — вздохнула экзорцистка. — Стоит тебе выйти из дома, как вокруг начинает роиться нечисть. Боюсь, если однажды этого не случится, я решу, что заболела.

— Умоляю, не надо привыкать! Я сам мечтаю о спокойной жизни! — взмолился парень.

За этот месяц он навиделся всякого: сначала три сикигами, потом Ямаусаги с его лягушкой, потом тот безумный монах, который едва не превратил всю школу в филиал монастыря... Бедный директор, поговаривают, уже начал стремительно лысеть на почве стресса. Е Кай искренне надеялся, что к выпуску у того останется хоть клочок волос на затылке.

— Хочешь, чтобы я помогла? Попроси хорошенько... — Ма Сяолин явно собиралась поторговаться или хотя бы немного поиздеваться над «племянником», но Е Кай не дал ей закончить.

Он сделал самое честное лицо, на которое был способен, и с надеждой в голосе выпалил:

— Прошу! Помоги!

Сяолин даже поперхнулась от такой бесстыдной прямоты.

— А как же «поупираться для приличия»? Где твое мужское достоинство?

— А оно накормит меня или спасет от призрака? — парировал Е Кай. Когда на кону жизнь одноклассницы и собственные нервы, гордость — это непозволительная роскошь. Глядя на него, Ма Сяолин лишь тяжело вздохнула.

<http://bllate.org/book/17479/1695853>